

СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО

Экономика и право, да и весь окружающий нас мир стремительно меняются под воздействием развития технологий. Чат-боты общаются с людьми в интернете, беспилотные автомобили перевозят людей и грузы, цифровые технологии коренным образом меняют «содержание» целых отраслей, ученые специальными «ножницами» «редактируют» человека. Мы постепенно привыкаем оперировать новыми, модными понятиями, такими, как блок-чейн, майнинг криптовалюты, дополненная реальность, машинное обучение, умные электрические сети.

С радостью и изумлением мы следим за тем, как технологии стремительно меняют окружающую реальность, не успевая осмыслить глубинных последствий, связанных с наступлением новой технологической эпохи, которую не случайно связывают с широким, можно сказать, всеохватывающим распространением цифровых технологий. Они становятся в буквальном смысле «кровеносной системой» грядущего экономического уклада, пронизывая не только экономику, но все сферы человеческой жизнедеятельности сверху донизу.

Цифровая экономика оказалась удобным способом взаимодействия экономических субъектов в условиях глобализации и роста размеров мировой экономики. Увеличение масштабов рынка позволило, с одной стороны, произвести необходимые для такого взаимодействия технику и технологии, а, с другой – сделало их востребованными. Причем переход на цифровые технологии оказывается практически безальтернативным, прежде всего, в силу того, что позволяет кардинальным образом повысить конкурентные преимущества, обеспечить существенную экономию, как на масштабе, так и по издержкам, что в условиях сокращающегося спроса и ожесточающейся борьбы за рынки сбыта становится особенно актуальным.

Более того, те государства, которые проиграют в этой жесткой борьбе, с большой долей вероятности получат кризис легитимности, связанный с

ухудшением экономической и социальной ситуации, на своей территории. Напротив, победа в технологической гонке, по идее, должно бы обеспечить экономический рост и прорыв в новый технологический уклад. Парадоксально только при этом, что социальная ситуация в мире по мере ускорения технологических сдвигов складывается отнюдь не просто. Причем отчетливая динамика ее ухудшения наблюдается и в странах-лидерах по технологическому развитию.

Особое место среди факторов этого ухудшения принадлежит растущему неравенству, разнообразные проявления которого отражают структурные диспропорции, которые постепенно накапливаются в развитии социально-трудовой и социальной сферы по всему миру, несмотря на значительные финансовые и организационные усилия, предпринимаемые и мировым сообществом в целом, и правительствами разных стран. Неравенство между бедными и богатыми странами сохраняется. При этом внутри стран сохраняется динамика, особенно четко проявившаяся в последнее десятилетие – бедные беднеют, богатые богатеют при существенном сокращении доли среднего класса, делая современный мир все более нестабильным и оказываясь настоящей головной болью для отдельных политиков и политического класса в целом. Не случайно связанная с этим проблематика заняла прочное место в общественном, политическом и научном дискурсах.

Надо сказать, что у наблюдаемых негативных социальных процессов есть глубокие внутренние основания и заключаются они в том, что современные технологии, позволившие человечеству в значительной мере преодолеть голод и болезни, увеличить продолжительность и качество жизни, сегодня сами становятся источником экзистенциальных угроз. Угроз, связанных с неготовностью человечества адекватно и оперативно ответить на новые вызовы.

Цифровизация, ставшая изначально ответом на необходимость оптимизации бизнес-процессов в условиях глобальной экономики, приводит

в итоге к переформатированию всей архитектуры и инфраструктуры современного рынка. Одновременно она ведет к трансформации социально-трудовой и социальной сферы, а затем и всего спектра общественных отношений.

Привычные нам отрасли и ТНК уступают место цифровым экосистемам - платформам. Можно со значительной долей уверенности назвать те отрасли и сектора экономики, которые в ближайшие годы превратятся в такие экосистемы: гос. управление, торговля, организация пассажирского транспорта, журналистика, услуги, образование, телемедицина, банковская сфера, финансы, туристический бизнес. При этом, в силу особенностей развития современной экономики, многие из таких отраслей-платформ изначально являются транснациональными.

Развитие платформенных технологий обусловлено необходимостью автоматизации бизнес-взаимодействий и позволяет экономить на издержках, кардинально уменьшая себестоимость товаров и услуг. Собственно, это и есть суть рыночных отношений – механизм конкуренции, «присуждающий» победу тому, кто смог предложить более дешевый массовый продукт. «Побочным» эффектом такой конкуренции оказывается сокращение спроса на труд. Не случайно специалисты связывают широкое распространение цифровых технологий в развитых странах с необходимостью конкурировать с «аутсорсингом производства в развивающиеся страны»¹. Новый способ организации промышленности и сферы услуг позволяет экономить издержки по всем направлениям (масштаб, логистика, сырье и материалы), но, в первую очередь, издержки на рабочую силу.

Причем экономия идет сразу по двум направлениям. С одной стороны, спрос на труд сокращается в силу того, что автоматизируются целые виды человеческой деятельности, а, с другой, оставшиеся занятые вынуждены соглашаться на серьезное ухудшение условий найма. Именно в этом и

¹ Индустрия 4.0: что такое четвертая промышленная революция <https://hi-news.ru/business-analitics/industriya-4-0-cto-takoe-chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya.html> (03.02.18)

заключается один из феноменов роста производительности труда, повышающего конкурентоспособность, как отдельных производств, так и целых стран. Появился даже такой термин, как «уберизация занятости» - от названия компании-платформы (*Uber*), оказывающей транспортные услуги населению – характеризующий достаточно сложный процесс. От перевода трудовых отношений в гражданско-правовой статус до все более широкого распространения частичной, незащищенной, «прекаризированной» занятости, сегментации постиндустриального рынка труда.

Новые платформенные решения и соответствующие им бизнес-модели оказываются механизмом «сбрасывания» социальной нагрузки, преодоления рамок национальных государств. При этом все социальные обязательства по-прежнему остаются в ведении национальных государств. Таким образом, подрываются основы существования современного общества, поскольку рост производительности труда, позволяя меньшим числом удовлетворять платежеспособный спрос населения, одновременно ведет к его сокращению.

Сокращающийся же платежеспособный спрос – это страшный сон любого современного государственного деятеля. Это – исчезающие и несозданные рабочие места, недополученные налоги, невозможность реализации социальной политики в прежних объемах, наконец. Отсюда же проистекает и рост неравенства, стремительная поляризация населения по доходам.

Дело в том, что сокращение спроса на рабочую силу, прекаризация значительных сегментов занятости сопровождаются точечным ростом спроса на универсальных высокопрофессиональных специалистов, доходы которых достигают заоблачных высот. Поэтому расслоение населения происходит не только по доходам, но и по заработной плате и последнее вносит свой серьезный вклад в растущее неравенство. Оно, таким образом, все в большей степени приобретает не структурный, а институциональный характер, поскольку обусловлено не «сбоями» в работе системы, а

институциональными особенностями новой формирующейся системы – она продуцирует неравенство в гораздо больших масштабах, чем прежняя.

Очень трудно оценить масштаб сокращения спроса на труд, пока это экспертные оценки и интуитивное понимание происходящих процессов, хотя такие оценки и делаются уважаемыми международными организациями¹. Очевидно одно - стремительная цифровизация экономики, как минимум, преобразует характер труда в целых отраслях экономики, подразумевая необходимость переобучения и переподготовки значительного числа занятых (огромного по сравнению с предыдущими периодами структурных преобразований).

Как максимум, все более явной становится угроза обезлюдения экономики. С точки зрения социальных последствий не так уже важно, проявится ли сокращение спроса на труд в росте чисто «технологической безработицы» или безработицы, ставшей следствием «раздробленности информации» (Э. Тоффлер), того, что современный работник в силу особенностей технологических процессов в условиях современной экономики становится все более частичным и поэтому испытывает серьезные трудности с переобучением или переквалификацией.

Конечно же, такая ситуация (сокращение спроса на труд в условиях коренных технологических трансформаций) не нова. Главное, о чем тут следует помнить, это то, что следствием таких трансформаций всегда было серьезное ухудшение социальной ситуации, сопутствующее переходу человеческой цивилизации на новый технологический уклад. Можно вспомнить Англию 17 века или Россию конца 19-начала 20 веков.

При этом сегодняшняя ситуация имеет принципиальное отличие от предыдущих - резервы для расширения рынков сбыта сегодня во многом исчерпаны. Таких возможностей, какие были в эпоху промышленной революции, сегодня уже нет, и широкое распространение новых технологий

¹ См., например, «Россия 2025. От кадров к талантам». Доклад BCG. http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (02.04.2017)

всерьез угрожает всей системе общественных отношений. По-видимому, человечеству придется искать другие решения, находящиеся за рамками прежнего мироустройства.

Очевидно, что цифровая экономика априори противостоит, является антиподом рыночной экономики, оставляя мало места конкуренции и «свободной руке» рынка. Соответственно и все остальные атрибуты современного мироустройства – демократия, социальная политика претерпят трансформации. Да и само существование национального государства в условиях господства уже даже не транснациональных, а глобальных сетевых субъектов ставится под вопрос.

Парадоксальным образом в итоге происходящих трансформаций и усилившихся столкновений появилась возможность реализации мечты мондиалистов об исчезновении национальных государств, названных А. Печчеи более полувека назад «нелепым предрассудком», мешающим человеческому прогрессу¹. Однако формирующаяся новая социальная реальность оказывается иной, нежели это представлялось создателям Римского клуба. Вышедший в прошлом, 2017 году его юбилейный доклад с «говорящим» названием «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», полон тревоги за будущее человечества и рисует целый спектр связанных с развитием техники и технологий угроз и вызовов². Вопрос о будущем остается открытым.

Пока непонятно какие идейные основания могут стать основой «новой лояльности», вокруг чего будет происходить формирование новых принципов мироустройства. Эксперименты, проводимые в Китае с использованием Индексов социальной лояльности граждан на основе цифровых технологий, показывают, какими могут быть альтернативные

¹ Печчеи А. Человеческие качества. Перевод на русский язык с сокращениями. Издательство «Прогресс». 1980. С. 263-264.

² Доклад Римского клуба-2018 http://ecoparlament.ru/d/828816/d/dokdad_rimskogo_kluba-2018.pdf (26.01.18)

либерально-рыночному проекту общественного устройства¹. Но вряд ли такие эксперименты можно назвать воплощенной мечтой человечества.

Складывающаяся на наших глазах качественно иная техносфера, не осмысленная до конца даже в философском плане, требует не только кардинальной смены самой парадигмы научного познания, но также нетривиальных организационных, юридических и политических решений. При этом решать задачи теоретико-методологического осмысления разворачивающихся процессов, их социальных последствий придется в условиях цейтнота, связанного с возрастающей нестабильностью. И, тем не менее, стоит, наверное, остановиться и задуматься, чтобы понять, что же все-таки с нами происходит.

Говоря словами российского философа Бориса Межуева, «после эпохи «великих идеологий» наступает эра «молчаливых революций»². Хорошо бы понять, каково же истинное содержание происходящих коренных, глубинных изменений, иначе, мы не успеем оглянуться, как окажемся в неведомом нам, новом мире, который мы не готовы будем принять.

¹ См., например, «Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга» <http://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (17.02.2017); «Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру» <http://carnegie.ru/commentary/71546> (21.03.2018).

² Б.Межуев «Демократия против Европы» <https://mezhev.su/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evropy> (07.12.2017).